

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 40–48

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 40–48

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-40-48>, EDN: AJAUNU

Научная статья

УДК [94(44)+378.4(443.611)]|1453|

Дофин Людовик и Парижский университет: попытка перехвата власти во Франции в апреле – мае 1413 года

О. И. Нуждин

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Россия, 620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 4

Нуждин Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, AuthorID: 5068-2833

Аннотация. Данная статья посвящена изучению политического кризиса во Франции в начале 1413 г. Формулируется вывод, согласно которому болезнь короля Карла VI требовала реформы управления. Сформировались две тенденции – аристократическая (сохранение власти внутри рода Валуа, но с переходом ее в руки дофина Людовика) и демократическая (ограничение королевской власти через допуск к управлению людей незнатного происхождения). В первой половине 1413 г. дофин Людовик предпринял попытку захвата власти, чем спровоцировал восстание в столице. В свою очередь, Парижский университет использовал волнения, чтобы добиться у Карла VI подписания проекта реформ в форме «Ордонанса кабошьенов». Герцог Бургундии Жан Бесстрашный старался сохранить свое влияние на короля. В итоге попытки отстранения короля закончилась неудачей, и Карл VI сохранил за собой корону.

Ключевые слова: Столетняя война, Карл VI, дофин Людовик, Парижский университет, Жан Бесстрашный, восстание кабошьенов

Для цитирования: Нуждин О. И. Дофин Людовик и Парижский университет: попытка перехвата власти во Франции в апреле – мае 1413 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 40–48. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-40-48>, EDN: AJAUNU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dauphin Louis and the University of Paris: An attempt to seize power in France in April – May 1413

O. I. Nuzhdin

Ural Federal University, 4 Turgenyeva St., Ekaterinburg 620083, Russia

Oleg I. Nuzhdin, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, AuthorID: 5068–2833

Abstract. This article is devoted to the study of the political crisis in France at the beginning of 1413. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the illness of King Charles VI required government reform. Two trends emerged – aristocratic (preservation of power within the Valois family, but with its transfer into the hands of the Dauphin Louis) and democratic (limitation of royal power through the admission of people of humble origin to government). In the first half of 1413, the Dauphin Louis attempted to seize power, which provoked an uprising in the capital. In turn, the University of Paris used the unrest to get Charles VI to sign a reform project in the form of the Ordinance of Cabochins. The Duke of Burgundy, Jean the Fearless, tried to maintain his influence on the king. As a result, attempts to remove the king ended in failure, and Charles VI retained the crown.

Keywords: Hundred Years' War, Charles VI, Dauphin Louis, University of Paris, Jean the Fearless, Cabochin Rebellion

For citation: Nuzhdin O. I. Dauphin Louis and the University of Paris: An attempt to seize power in France in April – May 1413. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 40–48 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-40-48>, EDN: AJAUNU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Подписание в 1412 г. между орлеанистами и королем Карлом VI договоров в Бурже и Осере не привело к установлению окончательного мира, напротив, спровоцировало новый политический кризис. Он формировался в условиях противостояния англичанам, война с которыми требовала средств, и неэффективности государственного управления. Здесь столкнулись

интересы герцога Бургундии Жана Бесстрашного, положение которого опиралось на авторитет Карла VI, и молодого дофина Людовика, стремившегося к самостоятельному правлению.

Дофину Людовику уже исполнилось к тому времени 15 лет, то есть он достиг компетентного возраста и имел достаточно здравого смысла, чтобы самостоятельно разбираться в государ-

ственных делах [1, р. 335], и герцогу Бургундии Жану Бесстрашному приходилось с этим считаться [2, р. 98]. Юный принц желал, чтобы отныне дела велись в соответствии с его волей, ибо считал, что все, что происходит во Франции, касается его более всех остальных людей в королевстве, за исключением только Карла VI. Соперником дофина оставался герцог Бургундии, сохранивший свои властные позиции в Париже.

Свое отношение к Жану Бесстрашному дофин Людовик выразил тем, что содействовал погребению в Маркусси тела Жана де Монтагю, казненного врага герцога Бургундии [1, р. 301; 2, р. 98]. Оперу своей власти дофин стал формировать, привлекая на службу людей, находившихся вне влияния Жана Бесстрашного, или даже среди его врагов. Одним из них стал новый камергер Жак де Ла Ривьер, брата которого Жан Бесстрашный сместил в 1410 г. [3, р. 279–280]. В круг приближенных дофина вошли также герцоги Эдуард де Бар, Людвиг Бородатый, граф Филипп де Верту и «иные члены этого союза, которые, как говорилось, находились в Париже и очень часто навещали его, и не желали иного, кроме как занять управление» [1, р. 335]. Автор «Дневника парижского горожанина» называл среди наиболее влиятельных лиц в первую очередь брата королевы Людвиг Бородатого, а вслед за ним Эдуарда де Бара, Жака де Ла Ривьера и Пьера дез Эссара [4, р. 27–28, 59–60]. Среди приближенных дофина особенно выделялся Филипп де Верту, брат Карла Орлеанского и сын герцога Людовика, убитого в ноябре 1407 г. Он оказывал значительное влияние на дофина, который его «очень любил» (*aimait beaucoup*) [5, р. 33]. Опираясь на них, дофин мог обеспечить себе независимость в управлении.

Законодательную базу власти дофина обеспечивали ордонансы 1403 и 1407 гг. В соответствии с ними сын-наследник мог стать королем в любом возрасте, но только в случае смерти Карла VI. Утерянный ордонанс [3, р. 125] от 26 или 28 декабря 1407 г. предоставлял дофину право управлять королевством в период болезни Карла VI в качестве регента: «И когда король будет ослаблен болезнью, дофин, его старший сын, станет регентом и будет управлять как регент» («*et que le roy estant essonié de maladie, le dauphin son fils aîné regenteroit, et comme regent gouverneroit*») [6, р. 438]. Юридически ордонансы позволяли принцу Людовику отстранить Карла VI от управления, оставив за ним только формальный королевский титул.

Реализация такого плана означала бы государственный переворот, но осуществленный на законных основаниях. Во Франции не имелось опыта отстранения короля от власти, а тем более смещения его с престола [7, р. 224–225]. Одновременно произошло бы восстановление прав орлеанистов и возобновление обвинений

против Жана Бесстрашного в убийстве Людовика Орлеанского. О том, что данная угроза была небеспопеченной, свидетельствуют следующие факты: некто по имени Жувеналь де Трайнель, возможно, им был сам Жан Жувенель дез Урсен [3, р. 280], в начале 1413 г. не раз приходил к герцогу Бургундскому в его отель Артуа. Предметом разговоров стали два сюжета. Один из них касался слухом тесного общения герцога с мясниками и живодерами, что воспринималось как нечто, недостойное члена королевской семьи. Вторым стало требование признания герцогом Бургундии того, что именно он отдал приказ убить Людовика Орлеанского, что способствовало бы поддержанию внутреннего спокойствия. Однако Жан Бесстрашный отказался воспринять эти упреки, заявив только, что «никогда не признается» (*qu'il ne le conneseroit jamais*), но до поры до времени будет сохранять мир [6, р. 476–477].

Действительно, опору своей власти в Париже Жан Бесстрашный видел, с одной стороны, в персоне короля, а с другой – в кабошьенах. Они состояли из «людей жестоких, не терпящих беспорядка, рассчитывающих на триумф Жана Бесстрашного для удовлетворения своих амбиций или личной ненависти, своего рода авангарда партии бургиньонов и реформаторов, специфической смеси шевалье, молодых мэтров Университета, мясников и ремесленников, без идеи и четкой цели, которых мы видим во главе всех мятежей» [8, р. 179]. Так охарактеризовал эту группировку А. Ковиль. Эти мясники, живодеды и иные люди низшего сословия (*autres pauvres gens de bas estât*), бесчеловечные, опасные и бесчестные [6, р. 477], считали орлеанистов своими врагами.

Впрочем, они также выступали за реформы управления, и ситуация начала 1413 г. предоставила им шанс. Ключевым вопросом стал финансовый. Выплата огромных денежных средств в качестве отступного англичанам, затраты, понесенные на военную кампанию весны – лета 1412 г., пагубно сказались на состоянии королевских финансов [9, р. 721, 735]. Доходы с домена, традиционного источника содержания для королевской администрации, в силу его сокращения [8, р. 38] и плохого управления уже не восполняли затраты. Для покрытия расходов использовались два пути. Первый – увеличение объемов чеканки золотой и серебряной монет, особенно заметные с 1412 г. [10, р. 173, 177]. Вторым стала девальвация валюты. Преве Парижа Пьер дез Эссар и купеческий преве Пьер Женьсен провели ослабление экию на два су и блана – на одно денье, что позволило менялам и ломбардцам получить прибыль по 12 франков из ста экию [9, р. 763; 11, р. 178]. Такая политика финансовых властей рассматривалась как великое зло «для всех жителей королевства и для величества» короля. Признавалось, что власть

может извлечь из девальвации валюты только временную выгоду, а в длительной перспективе такая мера приведет к большому ущербу для «общественных дел» (*la chose publique*) и для народа [6, р. 763; 11, р. 178; 12, р. 429].

Так как эти меры оказались недостаточными, то в 1413 г. было решено обратиться к Генеральным штатам, первым за время правления Карла VI. Короли Франции старались избегать этой меры, памятуя об опыте 1358 г., когда данный институт стал источником, оплотом мятежных настроений в королевстве. Поэтому они предпочитали созывать либо представителей духовенства и Университета, либо депутатов «добрых городов», рассчитывая добиться от них решения вопросов в нужном для правительства ключе [13, р. 278–279]. Само возникновение термина «добрые города» оказалось связано с установившейся практикой созыва представительных учреждений. Для того чтобы попасть в эту категорию, населенным пунктам, помимо прочего, было необходимо обладать значительным и богатым населением, чтобы иметь средства на постройку каменной стены, быть резиденцией светских и церковных административных и судебных учреждений.

Генеральные штаты работали с 30 января по 13 февраля 1413 г., заседая под председательством короля и в присутствии значительного количества знати. Большую роль в их деятельности сыграли представители Университета, столичных корпораций, а также люди герцога Бургундии, который рассматривал Штаты как средство борьбы против своих политических противников [14, р. 570]. Ему требовалось проведение такой реформы управления, которая не допускала бы установления регентства дофина над Карлом VI.

Потребность в улучшении системы государственного управления назрела уже давно, причем это осознавали не только представители сословий, но и король, и принцы. Наиболее успешной попыткой можно считать реформы февраля – апреля 1389 г., когда советники молодого Карла VI опубликовали пять ордонансов и регламент, охватывающие все основные сферы управления королевством [8, р. 137]. Однако принятые законы были отменены, как только советники, их принявшие, покинули свои посты [8, р. 138].

Идея реформ возродилась в 1405 г. и вновь стала актуальной в конце 1412 – начале 1413 г. Сторонниками преобразований выступали парижане, объединенные в корпорации, и Университет, опиравшийся на поддержку герцога Бургундии. Союзники, правда, преследовали разные цели: горожане – по причине усталости от затянувшихся неурядиц, Университет – из идеальных представлений о хорошем правлении, Жан Бесстрашный – из властных амбиций [8, р. 143; 15, S. 198].

От имени короля перед собравшимися выступил канцлер Гиени Жан де Ниель. В своей продолжительной речи он обрисовал тяжелое положение в стране, вызванное враждой принцев, гражданской войной и иностранным вторжением. Для покрытия расходов для ведения новой войны с англичанами, «армия которых более многочисленна, чем когда-либо», было предложено собрать большую талью. На обсуждение и принятие решения Штатам было определено шесть дней, после чего предполагалось собрать снова [9, р. 737, 739; 16, р. 254–255].

Сказанное канцлером означало, что обложению подлежали среди прочих и представители Университета. Они были не против продолжения войны с англичанами, но не желали платить на это деньги. Позицию Университета по данному вопросу сформулировал канцлер Нотр-Дама Жан Жерсон еще в ноябре 1405 г. в своей речи «*Vivat rex!*». Он сказал, что нельзя требовать с Университета никаких выплат, поскольку «она (университетская корпорация. – О. Н.) есть дочь короля Франции и благородна и потому, что она трудится [на благо] королевства и всей Церкви, ей следует более помогать, чем обременять» [17, р. 49]. Очевидно, что поправка прав такой важной корпорации, какой являлся Университет, свидетельствует о дурном управлении. И в развитие своих прежних идей в июле 1411 г. Жан Жерсон заявил, что король, злоупотребляющий правом взимать налоги, заслуживает свержения [9, р. 417, 419].

В русле концепции «не платить» первым выступил 31 января 1413 г. советник Жана Бесстрашного аббат Симон де Со. Он предложил обложить налогами не только горожан, но также принцев и провинциальных чиновников. Эту мысль поддержали 7 февраля депутаты от Реймской церковной провинции. 8 февраля с критикой сборщиков налогов и распределения средств выступил депутат от Лионской провинции, аббат монастыря Мутье-Сен-Жан (имя не упоминается). Их речи были встречены с одобрением [6, р. 476; 9, р. 739; 13, р. 281–288]. На заседании 9 февраля монах аббатства Сен-Дени Бенуа Женсьен осмелился упрекнуть самого Карла VI в том, что он излишне щедр по отношению к своим приближенным, в том числе членам своего дома и Королевского совета [9, р. 739, 741].

Не удовлетворившись этим, «пламенные реформаторы» Университета, как их назвал А. Ковиль, стали добиваться повторной аудиенции, чтобы в полной мере изложить свои накопившиеся обиды. Их суммировали и оформили в виде ремонстрации, выработанной Университетом совместно с городом Парижем и содержащей 75 пунктов [12, р. 422–442]. Спустя четыре дня, 14 февраля этот документ Карлу VI зачитал кармелит, доктор богословия Эсташ де Павильи. Он изложил записанные претензии

к существующей системе управления и представил предложения по улучшению финансового положения и состояния королевства в целом.

Главной проблемой оставалось качество управления, которое в течение 26 лет находилось в руках безответственных чиновников. Из-за этого домен короля не приносил необходимых доходов. В среде чиновников царили семейственность и коррупция. Отмечалось, что в ведомствах много ненужных должностей, замещаемых случайными и корыстолюбивыми людьми. Стало правилом, что чиновники занимали нескольких должностей, некоторые даже четыре, везде исправно получая жалование. Наконец, общей чертой чиновничества, в том числе и парламентского, было то, что все друг другу являлись родственниками. Так, некто Андре Жиффар получил свой пост только потому, что был родственником жены прево Парижа Пьера дез Эссара, и вскоре его дом наполнился серебряной посудой и драгоценностями. Вопиющим примером, по мнению авторов ремонстрации, стала история с назначением Жака Ле Онгра, для которого прево Парижа потребовал дать должность, поскольку тот являлся его двоюродным братом [12, р. 426–427, 432–433, 434].

Не ограничиваясь общими фразами, авторы ремонстрации отважились назвать конкретных лиц, ответственных за оскудение казны. Ими были, по их мнению, королева Изабелла и дофин Людовик. Если прежде расходы короля, королевы и дофина составляли 94 000 франков, то теперь – 350 000, содержание королевы возросло с 36 000 до 154 000 франков. Были поименно названы 25 человек, которые потворствовали растаскиванию средств казны на собственные, а не на государственные нужды [1, р. 310–311, 316; 8, р. 171; 12, р. 424, 425, 428].

Таким образом, авторы ремонстрации возложили ответственность за оскудение казны и вместе с тем выразили недоверие королеве Изабелле и дофину Людовику. Для улучшения ситуации было предложено реорганизовать суд, сократить штаты чиновников и расходы на их содержание, усилить контроль над порядком расходования средств [9, р. 745–769]. Красной нитью через все заседание проводилась мысль, согласно которой нет необходимости вводить налоги для уже разоренного непомерными тяготами населения, а следует разумно распоряжаться уже имеющимися доходами. Эта идея, пусть и выраженная в осторожной форме, показала собранность достойной внимания и заслуживающей дополнительного обсуждения.

Фактически действия членов Университета можно было трактовать как попытку узурпации управления, перехвата власти. В таком ключе оценивал события Мишель Пинтуэн, опираясь на мнение «людей важных, обладающих большим опытом и знаниями», поскольку мэтры

и горожане покусились на права короля и принцев крови [5, р. 5]. Хронист оказался прав, и уже в марте ситуация в Париже дестабилизировалась, так как «и не было между ними ни порядка, ни правительства» [18, р. 77].

Однако представители Университета, вошедшие в комиссию, «очень любили короля и народ» и стали «с большим усердием» составлять списки, куда занесли имена всех, кого подозревали в соучастии в делах орлеанистов [4, р. 28]. Хотя все они по условиям мира в Осере были прощены и получили право вернуться в Париж, это не остановило докторов Университета. Составление списков активно курировал Жан Бесстрашный, у него на руках (точнее, «в рукаве» (*dans sa manche* [5, р. 259]) имелись их копии.

Первым шагом, по мнению Генеральных штатов, должно было стать отстранение от службы наиболее одиозных чиновников и определение степени их виновности. Чиновники короля, находившиеся у управления продолжительное время, оказались в весьма стесненном положении: от них стали требовать отчета, видимо, угрожая расправой, поэтому они стали искать себе убежище за пределами Парижа. Некоторых из них арестовали, их имущество конфисковали и передали в руки короля.

Одним из первых лишился своего поста Пьер дез Эссар, имя которого прозвучало уже в «Ремонстрации». Его обвинили в продажности и корыстолюбии и назначили капитаном города Шербур [1, р. 333, 343]. Изменение отношения к прево произошло стремительно: еще год назад парижане относились к нему с большой приязнью и именовали его «отцом народа и главным защитником общественных дел» (*le père du peuple et le principal défenseur de la chose publique*). Теперь же они испытывали к нему неприязнь, вплоть до чувства смертельной ненависти (*une haine mortelle*). Мишель Питуэн объяснял такое поведение любовью к перемене, столь присущей капризной толпе [5, р. 7, 9].

Сам Пьер дез Эссар был не согласен с обвинениями и попытался оправдаться. Он заявил, что по приказу короля передал 2 млн экю Жану Бесстрашному, в подтверждение чего готов предъявить расписки с собственноручной подписью герцога [5, р. 7]. То же самое, но несколько в ином контексте, поведал Жан Жувеналь дез Урсен. По его словам, когда встал вопрос об изъятии денег у принцев, Пьер дез Эссар порекомендовал обратить внимание на герцога Бургундии, у которого имелось 2 млн экю [6, р. 477].

Дофин Людовик решил использовать информацию Пьера дез Эссара против герцога Бургундии. Слова бывшего прево обеспечили ему благосклонность (*les bonnes grâces*) дофина и одновременно превратили его в «смертельного врага» (*un ennemi mortel*) герцога Бургундии и кабошьенов. Очевидно, что вопрос о 2 млн экю

оказался чрезвычайно болезненным для Жана Бесстрашного. Как только Карл VI вновь выздоровел, принц Людовик поспешил вернуть Пьера дез Эссара из Шербурга, чтобы, видимо, довести до него эти сведения [5, р. 7; 6, р. 477].

История с деньгами для Жана Бесстрашного спровоцировала бунт в Париже, известный как восстание кабошьенов [19, с. 225, 231]. По словам Мишеля Пинтуэна, именно «оттуда последовали ужасные несчастья, рассказ о которых больше соответствовал бы акцентам трагической музыки, чем перу историка» [5, р. 9]. Но это было лишь частью более обширного плана.

Запутанная хронология описания событий не позволяет точно выявить детали замысла дофина Людовика. Возможно, первым шагом стал захват моста через реку Марну в городе Шарантонэ людьми Пьера дез Эссара. Следующей стадией стало занятие бастиды Сен-Антуан, расположенной неподалеку от королевского дворца Сен-Поль. Она представлялась «почти неприступной, обильно снабженной всевозможным оружием и осадными машинами, с помощью которой можно было ввести в Париж большое количество воинов, назло жителям и в ущерб городу» [5, р. 9]. По сути бастиды представляла собой один из ключевых пунктов обороны города [19, с. 225].

Ангерран де Монстреле считал, что попытка оказалась неудачной: жители города арестовали воинов отряда Томлена де Бри и препроводили их в башню Лувра [1, р. 333]. Эти события предшествовали бегству Пьера дез Эссара в Шербург в начале марта 1413 г. По версии Жана Жувенеля дез Урсена, захват моста предшествовал занятию бастиды Сен-Антуан [6, р. 477], следовательно, имел место в конце апреля. А. Ковиль, видимо, стараясь примирить обе версии, предположил, что попытка захвата моста произошла перед отъездом Пьера дез Эссара из Парижа в Шербург, а прево захватывал бастиду Сен-Антуан дважды [8, р. 183]. Однако письма парижан, отправленные в Нуайон 2 мая 1413 г., позволяют предполагать взаимосвязь этих событий. По словам авторов посланий, Пьер дез Эссар вступил в бастиду, сломав замурованные нижние ворота, и отправил вооруженных людей в Шарантон [20, р. 61].

Версия, согласно которой попытка захвата Шарантонского моста произошла примерно одновременно с занятием бастиды Сен-Антуан, косвенно подтверждается тем, что только в мае дофин передал охрану моста Шарантон Симону Кабошу, а Сен-Клу – живодеру Дени де Шомону. Тогда же с них взяли клятву не пропускать никаких врагов Парижа [5, р. 35, 37]. Если люди Пьера дез Эссара на самом деле атаковали мост в начале марта, не было необходимости выжидать два месяца, чтобы укрепить его оборону силами кабошьенов.

Шаги Пьера дез Эссара не были самостоятельными, их санкционировал дофин, выдав бывшему прево охранную грамоту за своей подписью и печатью [5, р. 15]. Она позволила 27 апреля 1413 г. Пьеру дез Эссару и его брату Антуану во главе небольшого отряда занять бастиду Сен-Антуан. Возможно, такая же грамота имела у Томлена де Бри для захвата моста в Шарантоне.

Наконец, третий элемент плана, вероятно, предполагал вывоз Карла VI за пределы Парижа. Хронисты Жан Жувеналь дез Урсен и Мишель Пинтуэн сообщали о намерении Пьера дез Эссара захватить короля и дофина. Для осуществления этого замысла бывший прево предполагал провести в Венсенском лесу рыцарский турнир-жосту, назначив праздник на 1 мая [5, р. 25; 6, р. 477]. В своих хрониках Ангерран де Монстреле и Лефевр де Сен-Реми прибавили ряд важных подробностей. В частности, инициатива по проведению жосты принадлежала дофину, которого парижане заставили переселиться в отель Сен-Поль, к королю Карлу VI, запретив выезжать за пределы Парижа. К 1 мая принц Людовик распорядился собрать пять или даже шесть лансов воинов и оплатил их службу сроком на один месяц. Лансом (иначе «копьем») именовали военный отряд, состоявший, как правило, из трех человек. Во главе их встал Пьер дез Эссар, к которому за городом должен был присоединиться Карл Орлеанский с большим отрядом своих союзников [1, р. 346; 18, р. 77].

Таким образом, есть основания полагать, что дофин Людовик планировал захватить Карла VI и вывезти его под прикрытием военного отряда орлеанистов на юг через Шарантонский мост. Такие действия вызвали волну негодования парижан, и вину, по знанию или незнанию, они возложили на исполнителя – бывшего прево Пьера дез Эссара. Автор «Дневника парижского горожанина» сравнил его поступок с «сумасшествием» (*comme fols*) [11, р. 179], а парижане назвали его лживым и неверным предателем (*faulx et desloiaulx traittres*) интересов короля, совершившим проступок против его блага и блага всего королевства (*contre le bien du Roy et de ce Royaume*), а его сторонников – врагами короля и монсеньора герцога Гиенского (*avec aultres ennemis de nostredit trez redoubté et souverain Seigneur et de Monseigneur de Guienne*), несущими зло и разрушение всей Франции. Своевременные действия горожан и герцога Бургундского против Пьера дез Эссара и его людей позволили предотвратить «утрату чести, королевского величества, его благородного происхождения и всего общественного блага королевства» (*perdition l'onneur, la magesté Royal, sa très noble lignée et toute la chose publique de ce Royaume*) [20, р. 61–62].

Роль Жана Бесстрашного в событиях ночи с 27 на 28 апреля 1413 г. неясна. Очевидно,

что планы дофина Людовика шли вразрез с его собственными, и он был заинтересован в сохранении status quo. По мнению Ф. Леу, герцог Бургундии стал невольной жертвой собственных замыслов по использованию кабошьенов для реализации политических целей и в критический момент не смог контролировать разбушевавшуюся толпу [21, р. 300]. В свою очередь, А. Ковиль полагал, что герцог Бургундии старался выступать в роли посредника и по мере сил и возможностей сдерживал толпу от эксцессов [8, р. 372]. Однако положение его оставалось двусмысленным, поскольку он как принц крови был вынужден опираться на городскую чернь и лиц непрестижных профессий [2, р. 99].

Представляется более обоснованной точка зрения Р. Фамильетти, утверждавшего, что все действия Жана Бесстрашного в ту ночь были по сути притворством, чтобы представить себя в максимально выгодном свете перед своими сторонниками и противниками. Герцог Бургундии был не просто свидетелем, а одним из организаторов событий 28 апреля, о чем свидетельствует его личное участие во всех ключевых событиях, а многие из активных кабошьенов были с ним тесно связаны. Иными словами, Жан Бесстрашный предстал в образе «молчаливого партнера» взбунтовавшихся парижан [3, р. 286–287].

Совсем иначе понимал развернувшиеся события принц Людовик, когда заявил герцогу Бургундии: «Тесть, этот бунт был сделан мне по твоему совету, и ты не можешь его извинить, потому что люди твоего отеля главные» (*Beau père ceste esmeute m'est faicte par vostre conseil, et ne vous en povez excuser, car les gens de vostre hostel sont les principaulx*) [1, р. 345]. Не следует упускать из виду мнение Карла VI и его советников по поводу событий весны 1413 г. Выстраивая обвинение против герцога Бургундии в совершении им преступления оскорбления величества, они указали на него как на подстрекателя. В частности, аресты родственников и приближенных королевы и дофина проводились по заранее составленным спискам, которые носил в рукаве Жан Бесстрашный [5, р. 259].

Видимо, герцог Бургундии представлял собой весьма активную и заинтересованную фигуру, игнорировать влияние которой кажется невозможным. Следует обратить внимание также на то, что Университет, узнав о подготовке заговора против короля, известил об этом Жана Бесстрашного и купеческого прево Андре д'Эпернона. В дальнейшем можно регулярно встретить среди взбунтовавшихся горожан людей, так или иначе связанных с герцогом Бургундии, да и сам Жан Бесстрашный оставался в числе активных действующих лиц и также оказался перед бастидой Сен-Антуан в ночь на 28 апреля.

В столице весной циркулировал слух о том, что орлеанисты готовятся «захватить короля, чтобы стать хозяевами Парижа и делать все по своей воле» [4, р. 28]. Переворот, по одной из версий, должен был случиться во время празднования бракосочетания Людвига Баварского с Екатериной Алансонской, вдовой Пьера Наваррского. Доктора Университета сообщили о своих подозрениях купеческому прево Андре д'Эпернону, эшевенам, а также Жану Бесстрашному [4, р. 28–29]. Как полагал автор «Дневника парижского горожанина», важную роль в осуществлении переворота должен был сыграть герцог Баварии Людвиг Бородатый, брат королевы Изабеллы. Скрывая свои намерения, он выдавал себя за «добротного слугу» (*le bon varlet*) короля и делал вид, что ничего не знал о готовящемся заговоре [4, р. 29].

Однако в этот момент произошел захват бастиды Сен-Антуан, и парижане решили, что заговор стал реализовываться. Купеческий прево Андре д'Эпернон уже 27 апреля 1413 г. собрал большое количество вооруженных парижан, с которыми окружил бастиду Сен-Антуан. Вместе с ними оказался и Жан Бесстрашный. Именно он выступил посредником в переговорах между горожанами, которых собралось до 20 тыс., и Пьером дез Эссаром. Первых он увещевал не совершать преступления оскорбления королевского величества (*le crime de lèse-majesté*), нападая на королевскую крепость, второму обещал покровительство, если тот сдастся без сопротивления [5, р. 15]. Пьер дез Эссар согласился на предложение, и парижане арестовали всех, кто находился в бастиде, и отконвоировали их к отелю Сен-Поль [18, р. 77], где в то время проживал дофин.

План принца Людовика был разрушен действиями горожан. Герцог Карл Орлеанский, граф Алансонский и другие, не доехав совсем немного до Парижа и узнав подробности о том, что происходит в столице, не решились двигаться дальше и вернулись в Шартр. Их напали «мятежи, вспыхнувшие в этом городе» (*les émeutes qui avaient éclaté dans cette ville*) [5, р. 39].

Члены Университета и кабошьены принялись искать потенциальных заговорщиков в самом Париже. От их имени Эсташ де Павильи зачитал перед членами королевской семьи и их приближенными список изменников, в котором было 60 имен, и уже 12 мая начались их аресты. Удалось схватить всего 20 чел. [1, р. 350], остальные успели покинуть столицу. Одним из последних был граф Филипп де Верту, уехавший к своему брату Карлу Орлеанскому. Имена беглецов были оглашены на перекрестках под звуки труб, именем короля от них потребовали вернуться обратно под угрозой конфискации имущества и смертной казни [1, р. 350]. Несколько раз пытался покинуть Париж и сам дофин Людовик, но неудачно. Тогда с посыльными

он направил письма герцогам Орлеанскому, Бретонскому и Анжуйскому, графу Алансонскому с просьбой о помощи во имя родственных связей и верности, которой они обязаны королю. Тогда горожане усилили стражу у ворот и у дворца Сен-Поль, чтобы принц не смог скрыться тайком [5, р. 35].

Тогда же Карл VI с согласия Парламента, Университета и горожан отправил делегации к герцогам Орлеанскому, Бурбонскому и Бретонскому, графам де Верту и д'Алансону с просьбой прибыть в Париж и выразить свое отношение к происходящему. Вскоре он получил ответ, что они по-прежнему видят в нем «своего естественного сеньора, что они готовы служить ему и что они предоставили себя лично и свое имущество в его распоряжение», но в Париж не вернулись [5, р. 39].

Далее Эташ де Павильи потребовал сформировать комиссию из 12 чел. для расследования злоупотреблений, на что дофину Людовику пришлось дать согласие. В нее вошли советники Парламента и трое горожан: Андре Руссель, один из мастеров Большой бойни Гарно де Сент-Йон и секретарь Шатле [5, р. 33; 19, с. 229].

На этом восставшие не остановились, и 22 мая недовольные вновь явились к отелю Сен-Поль, где накануне свадьбы герцога Людвига Баварского собрались представители знати. Магистр Эташ де Павильи обратился к дофину Людовику с требованием удалить из своего окружения всех, кто «стремился отвлечь его от обязанностей королевского ранга и добрых нравов предков» [5, р. 41]. Себя Эташ де Павильи сравнил с садовником, который пропалывает сорные травы, чтобы росли прекрасные цветы, ибо недостойно «оставлять безнаказанными тех, кто мешают побегам геральдической лилии достичь всей своей красоты и всего своего блеска». Его поддержал Жан де Труа и сказал, что они пришли, чтобы «вырвать эти сорняки, иначе они мешают цветку твоей юности принести сладкие плоды» [5, р. 43]. Для большей убедительности они привели с собой несколько тысяч горожан.

Определить роль короля Карла VI в событиях конца апреля – мая 1413 г. затруднительно. Считается, что вплоть до 18 мая он был болен [7, р. 296] и не мог принимать решения. Однако и Эташ де Павильи, и Жан де Труа ссылались именно на королевскую волю. И если первый в сослагательном наклонении указывал, что Карлу VI было угодно, чтобы такие неверные служащие были бы «уничтожены как бесполезный сорняк», то второй произвел арест именем короля (*au nom du roi*), сделав вид, что «получил от него устный приказ» [5, р. 43]. Если они не имели согласия Карла VI, то их действия против жены и сына короля однозначно подпадали под определение *le crime de lèse-majesté*. Но если имели таковое, то тогда дофин уступил

указаниям своего отца, а не из страха перед «слепой толпой, сбитой с толку яростью, [которая] не слушает ни разума, ни жалости и не уклоняется ни от одного преступления» [5, р. 43]. Правда в ордонансах 5 и 12 сентября 1413 г., когда потребовалось аннулировать решения кабошьенов, и Карл VI, и дофин Людовик настояли на том, что действовали против своей воли, под давлением и насильем (*par force, violence et contre nostre voulente*) [22, р. 163, 175–176].

Фактически в тот день дом монсеньора герцога Гиенского, как и дом его матери Изабеллы Баварской [4, р. 30; 5, р. 41; 6, р. 479; 23, р. 112–114], были разгромлены, их наиболее влиятельные советники и приближенные оказались в заключении. Среди них были Людвиг Баварский, а также фрейлины и придворные дамы королевы. Поскольку именно дофина и косвенно его мать Изабеллу поддерживали орлеанисты (один из убитых прямо назван «орлеанистом» – *esté Orléanois* [1, р. 346]), то пострадали прежде всего интересы этой группировки.

Параллельно с арестами представителей высшей знати и чиновничества шла разработка программного документа партии реформаторов, получившего в дальнейшем название «Ордонанс кабошьенов». Как свидетельствовал Жан Жувеналь дез Урсен, члены комиссии по его созданию, действуя во благо королевства (*pour le bien du royaume*), обратились в Счетную палату, в Палату казны и Шатле, откуда взяли старые королевские ордонансы [6, р. 479]. Видимо, их положения использовались при разработке проекта реформы.

В двадцатых числах мая 1413 г. ордонанс был готов и 26 мая представлен на рассмотрение королю в здании Парламента. Присутствовали дофин, герцоги Жан Беррийский и Жан Бургундский, графы Филипп де Шароле и Валеран де Сен-Поль, купеческий премо, эшеваны, представители Университета, духовенства и дворянства и большое количество парижан. Текст зачитал секретарь Шатле мэтр Пьер де Френ как обладатель красивого и громкого голоса. Через час после полудня чтение приостановили и объявили перерыв до следующего дня. Оставшиеся 163 статьи из 258 зачитали 27 мая [24, р. 209–210]. Большая часть положений документа касалась финансовой сферы [14, р. 571], поэтому говорить о реформе всего управления не приходится. Такое положение объясняется полномочиями, предоставленными комиссией со стороны Генеральных штатов, которые сами были созданы для решения налоговых проблем.

Содержание королевской четы и их детей существенно сокращалось, расходование собранных от налогов денег передавалось под строгий контроль. Его осуществляли советники из числа представителей высшей знати и докторов Университета. Основная идея «Ордонанса

кабошьенов» заключалась в предоставлении монархии возможности самостоятельно урегулировать собственные финансовые потребности, не прибегая к помощи Штатов.

Функции Королевского совета ввиду болезни короля предполагалось существенно расширить. Весь прежний состав из-за своей коррумпированности должен был покинуть Совет, кроме канцлера, коннетабля и еще нескольких человек, находящихся там по своей должности. На освободившиеся места следовало включить 15 прелатов, шевалье и чиновников. Все вошедшие в состав Совета должны были получать умеренное жалование, исключавшее какие-либо пенсии от посторонних лиц [24, р. 134–135]. Членов Совета назначает король «по совету и согласию тех, кто нашей крови и происхождения, а также путем добрых и великих выборов» [24, р. 135]. Помимо этого, вводились правила, призванные упорядочить процедуру с тем, чтобы сделать работу Совета более эффективной. 27 мая король утвердил все положения ордонанса.

Тем временем репрессии продолжились. В июне – июле 1413 г. дело дошло до публичных казней, и 1 июля после формального судебного процесса обезглавили Пьера дез Эссара [1, р. 373]. Расписки о получении Жаном Бесстрашным денег от короля Карла VI исчезли и о них на время забыли. В июле – августе движение кабошьенов пошло на спад, и тогда король и дофин, сделав ставку на орлеанистов, вынудили герцога Жана Бесстрашного в августе 1413 г. покинуть Париж.

Таким образом, восстание кабошьенов повлекло за собой два последствия. Оно предотвратило установление регентства дофина и переход власти в его руки. Кроме того, установленный режим террора сделал возможным разработку и принятие «Ордонанса», который существенным образом ограничил королевскую власть.

Здесь просматривается противоречивость ситуации весны 1413 г. Создатели «Ордонанса кабошьенов» выступали за мирный, эволюционный путь развития, тогда как сами кабошьены и поддерживавшая их часть населения, в том числе университетского – за путь быстрых насильственных преобразований [19, с. 231–232]. Эти реформы требовали оформления в виде соответствующего королевского постановления, но заставить Карла VI его подписать можно было только угрозами. И тот факт, что реформаторский документ был принят в атмосфере насилия, стал веским основанием для его аннулирования. Так и случилось в начале сентября 1413 г. В итоге ни один из проектов перехвата власти за авторством дофина или Университета так и не был реализован, что позволило Карлу VI сохранить власть за собой.

Список литературы

1. *Monstrelet E. de*. Chronique en deux livres. 1400–1444 : in 6 vols. / ed. L. Douët-d'Arçq. Paris : Jules Renouard, 1858. Vol. 2. 478 p.
2. *Vaughan R.* John the Fearless. The growth of Burgundian Power. Woodbridge : The Boydell Press, 2005. 324 p.
3. *Famiglietti R. C.* The French Monarchy in Crisis, 1392–1415, and the Political Role of the Dauphin, Louis of France, Duke of Guyenne : in 2 vols. New York : University Press, 1982. Vol. 1. 435 p.
4. *Journal d'un bourgeois de Paris*. 1405–1449 / publ. A. Tuetey. Paris : Chez H. Champion, 1881. 413 p.
5. *Chronique du religieux de Saint-Denis*, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422 : in 6 vols. / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1844. Vol. 5. 768 p.
6. *Histoire de Charles VI, roy de France par Jean Juvenal des Ursins // Choix de chroniques et mémoires relatifs a l'histoire de France* / ed. J.-A.-C. Buchon. Orléans : H. Herluison, 1875. P. 323–573.
7. *Guenée B.* La folie de Charles VI. Paris : CNRS Éditions, 2019. 317 p.
8. *Coville A.* Les cabochiens et l'ordonnance de 1413. Paris : Librairie Hachette et Co, 1888. 456 p.
9. *Chronique du religieux de Saint-Denis*, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422 : in 6 vols. / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1842. Vol. 4. 781 p.
10. *Miskimin H. A.* L'or, l'argent, la guerre dans la France médiévale // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1985. № 1. P. 171–184.
11. *Journal parisien des années 1412 et 1413* / publ. par A. Tuetey // *Mémoires de la société de l'histoire de Paris et de l'Île-de-France*. 1917. T. XLIV. P. 163–182.
12. *Moranvillé H.* Remontrances de l'Université et de la ville de Paris à Charles VI sur le gouvernement du royaume // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1890. T. LI. P. 420–442.
13. *Marion J.* Rapport adressé au roi sur les doléances du chergé aux états généraux de 1413 // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1845. T. VI. P. 277–288.
14. *Histoire des institutions françaises au Moyen Age* : in 3 vols. / publ. sous la direction par F. Lot et R. Fawtier. Vol. 2 : *Institutions royales (les droits du Roi exercés par le Roi)*. Paris : Presses universitaires, 1958. 623 p.
15. *Kimm H.* Isabeau de Bavière, reine de France. 1370–1435. Beitrag zur Geschichte einer bayerischen Herzogstochter und des französischen Königshauses. München : Stadtarchiv, 1969. 293 S.
16. *Picot G.* Histoire des Etats Généraux, considérés au point de vue de leur influence sur le Gouvernement de la France de 1355 à 1614 : in 2 vols. Paris : Librairie Hachette et Co., 1872. Vol. 1. 575 p.
17. *Harengue faite au nom de l'Université de Paris*, devant le Roy Charles Sixiesme et tout le Conseil en 1405, contenant remonstrances touchant le gouvernement du Roy, et du Royaume, par maistre Jehan Gerson, chancelier de l'Eglise de Paris. Paris : Chez Debeausseaux, Libraire, 1824. 52 p.

18. Chronique de Jean le Févre, seigneur de Saint-Remy : in 2 vols. / publ. par F. Morand. Paris : Libraire Renouard, 1876. Vol. 1. 402 p.
19. Себенцова М. М. Восстание кабошьенов // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1958. Вып. 12. С. 208–240.
20. Bourquelot F. Correspondance entre le corps municipal de la ville de Paris et celui de la ville de Noyon, en 1413 // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1845–1846. Т. II, ser. II. P. 52–69.
21. Lehoux F. Jean de France, duc de Berri. Sa vie, son action politique (1340–1416) : in 3 vols. Vol. 3 : De l'«avènement» de Jean sans Peur à la mort du duc de Berri. Paris : Alphonse Picard, 1967. 518 p.
22. Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique : in 23 vols. / par M. de Vilevault et M. de Bréquigny. Paris : De l'imprimerie royale, 1763. Vol. 10. 514 p.
23. Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris. 1400–1417 : in 2 vols. / publ. par A. Tuetey. Paris : Libraire Renouard, 1888. Vol. 2. 350 p.
24. Coville A. L'ordonnance cabochienne (26–27 mai 1413). Paris : Alphonse Picard, 1891. 202 p.

Поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 10.11.2023

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 10.11.2023